

МАСТЕРА
УРАСОВ

JOHN AJVIDE LINDQVIST

HIMMELSTRAND

DEN FÖRSTA PLATSEN

МАСТЕРА
ЧАСОВ

Йон Айвиде Линдквист

ХИММЕЛЬСТРАНД

МЕСТО ПЕРВОЕ

ПЕРЕВОД СО ШВЕДСКОГО
СЕРГЕЯ ШТЕРНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.113.6
ББК 84(4 Шве)
Л59

Серия «Мастера ужасов»

John Ajvide Lindqvist
HIMMELSTRAND. DEN FÖRSTA PLATSEN

Published by agreement with Ordfronts Förlag, Stockholm,
Copenhagen Literary Agency, Copenhagen and Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency, Malmö

Перевод со шведского: *Сергей Штерн*
В оформлении использована иллюстрация
Михаила Емельянова
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Линдквист, Йон Айвиде

Л59 Химмельstrand. Место первое / Йон Айвиде Линдквист.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 572, [2] с.— (Мастера ужасов).

ISBN 978-5-17-111500-5

Четыре семьи, путешествующие в трейлерах и заночевавшие на стоянке в кемпинге, просыпаются в ином мире. Здесь нет солнца, нет ничего, кроме травы до самого горизонта, здесь почва моментально впитывает кровь, все, что посажено в землю, начинает тут же расти. Каждый из героев оказался здесь не случайно, но никто не может признаться в этом даже себе, пока на горизонте не появляется что-то странное. Что-то страшное. И оно движется к попавшим в ловушку людям. Странники поневоле еще не знают, что новый мир полон сюрпризов, что совсем рядом с ними таится настоящий монстр, и даже самые жуткие кошмары и глубинные страхи — еще не худшее, что их тут ждет.

© John Ajvide Lindqvist, 2014

© Сергей Штерн, перевод, 2019

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается памяти Петера Химмельстранда
(1936—1999)

«ПОДУМАЙ, КАК МАЛО МЫ ЗНАЕМ...»

Недостатки и слабости, душевные занозы — вот что главное.

Злой человек, добрый, способный или бездарный — вроде бы сразу видно. Но первое впечатление — всего лишь первое впечатление. У каждого есть червоточинка. Он может и сам про нее не знать. Попала песчинка в раковину, а что вокруг нее вырастет, жемчужина или смертельная опухоль, — никому не известно. В первую очередь самому моллюску.

Сломался зубчик шестеренки — и сложная, огромная машина не работает. Или работает так, что лучше бы вообще не работала. Картину определяет неверный мазок, диссонанс портит музыкальную пьесу. Или, наоборот, делает ее в сто раз интереснее, но это уже другая история.

Без маленьких слабостей и недостатков мы были бы похожи на хорошо смазанный механизм. Действия и мысли идеальных людей, людей без недостатков, легко смоделировать на компьютере —

Подумай, как мало мы знаем...

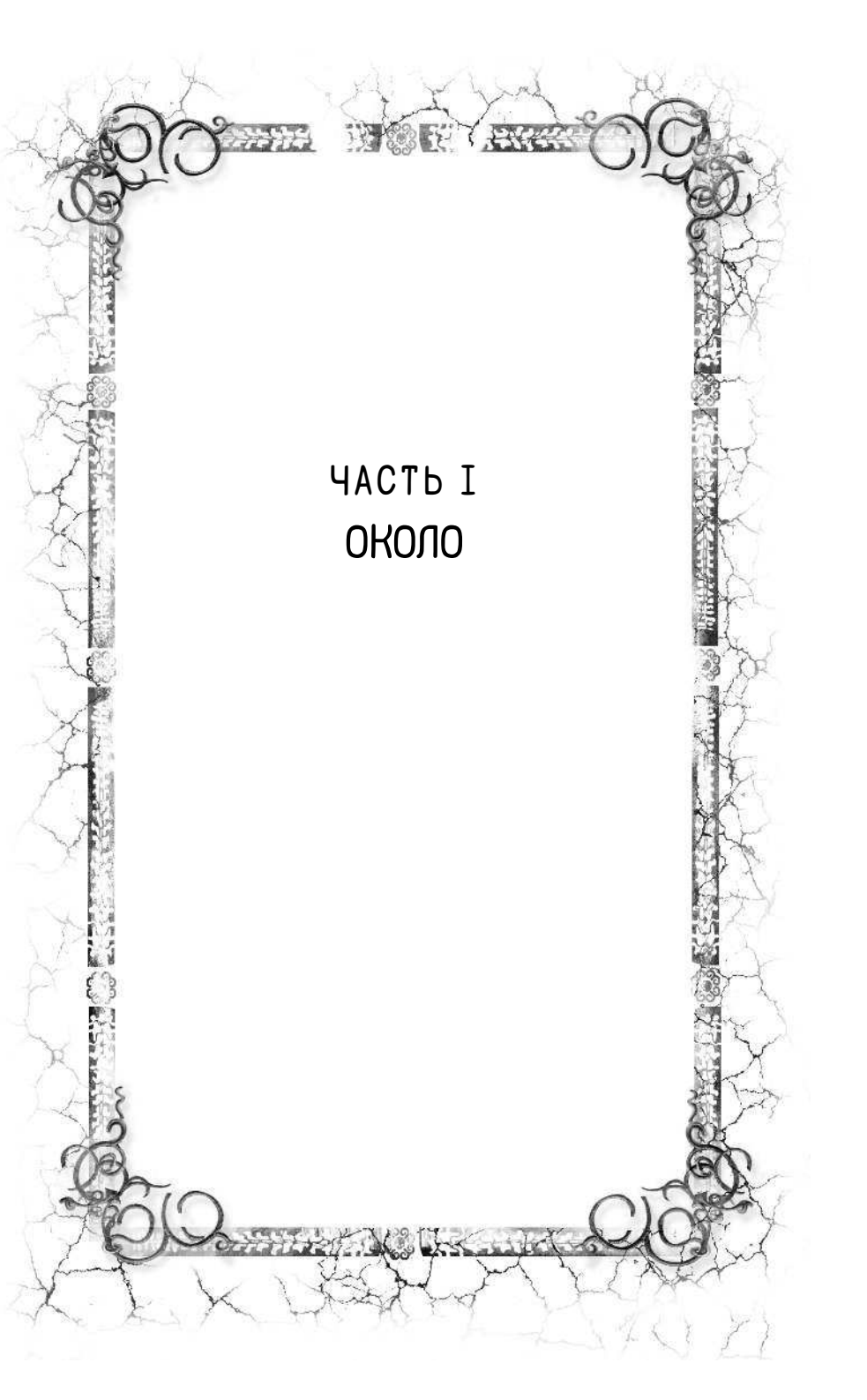
хватило бы только мощности процессора. Но такое не произойдет никогда. Недостатки не укладываются в расчеты, поскольку до поры до времени никак себя не проявляют. Недостатки подвигают нас на великие деяния и омерзительные преступления.

Уж если на то пошло, именно недостатки и делают нас людьми: несовершенными и оттого поразительно интересными. А можно сказать и так: недостатки превращают нас в червей, ползающих между небом и землей в поисках чего-то необъяснимого и, скорее всего, несуществующего. Чего-то, что могло бы заполнить зияющую в нас пустоту.

Но и в том и в другом случае наши дефекты становятся главной движущей силой, знаем мы про них или нет. Как и всё в мире, они подчиняются неумолимому закону природы: при достижении критической массы количество переходит в качество. Мы становимся другими. Многие поступки, кажущиеся необъяснимыми, совершаются как проявление и продолжение наших слабостей.

Вот вам пример.

Итак, я зажигаю свечу.

ЧАСТЬ I
ОКОЛО

- Мама, посмотри!
- Что тебе надо?
- Ну посмотри же! Там ничего нет.
- Ты хоть раз можешь дать маме поспать?
- Я же говорю — там ничего нет!
- Чего нет?
- Ничего. Ничего там нет.
- Если хочешь покапризничать, разбуди отца.
- Мам... почти ничего нет.
- О чем ты?
- Посмотри сама.
- Куда я должна посмотреть?
- В окно. Мамочка, я боюсь. Почти ничего нет.

Изабелла Сундберг приподнялась на локте. Ее шестилетняя дочь Молли стояла на коленях около кровати. Изабелла отодвинула дочь и потянула в сторону занавеску.

Рука, уже приготовленная для раздраженного указующего жеста, опустилась.

Первая мысль: задник. Кулиса. Что-то искусственное, театрально-нереальное.

Но нет, открывшаяся ей картина была подчеркнута трехмерной.

Не кулиса. Не задник.

У Изабеллы закружилась голова. Она потеряла глаза, словно стараясь стереть нелепое видение. Но видение никуда не делось, как и нитье Молли. Она повернулась на постели, ткнула мужа коленкой в зад и отодвинула вторую половину занавески. Несколько раз закрыла и открыла глаза, сжала зубы и отвесила себе оплеуху. Очнуться, проснуться, прийти в себя... Дочь от удивления замолчала. Щека загорелась, но за окном ничего не изменилось.

Муж что-то пробормотал во сне. Изабелла потрясла его за плечо.

— Петер, проснись же, черт бы тебя побрал. Тут кое-что произошло...

* * *

Через полминуты Стефана Ларссона разбудил хлопок двери где-то поблизости. В кемпере очень жарко — пижама прилипла к телу. Пора кончать с этим — у всех давно стоят кондиционеры. Сегодня они едут за покупками. Кондиционер для дома на колесах. Кажется, надо заказывать, в открытой продаже таких, скорее всего, нет, но уж пару настольных вентиляторов — обязательно.

— Бим-бим-бим... бом.

Сын Стефана Эмиль что-то бормочет наверху в спальном алькове — как всегда, погружен в мир своих детских фантазий.

Что-то не так. Он, не вставая, потянулся за очками в толстой черной оправе и огляделся.

Йон Айвиде Линдквист. ХИММЕЛЬСТРАНД

Кемпер, старый верный слуга... все как обычно. Куплен лет пятнадцать назад, и за плечами как минимум столько же. Но со временем, после множества отпусков, он стал им настоящим другом, а друзей не продают по объявлению в «Блокете». Сколько раз они останавливались не в кемпинге, а посреди дикой природы, на какой-нибудь поляне, и наблюдали за фантастическими повадками птиц!..

Нет, друзей не продают. Да никто и не даст за него больше пяти—десяти тысяч.

Сквозь тонкие занавески пробивается свет. Потертые стены, редкие капли из крана, надо бы поменять прокладку... все как обычно. Ничего странного.

Карине тоже жарко — сбросила одеяло во сне. Повернулась к нему спиной — линия бедра как у Венеры Веласкеса. Стефан приблизил лицо — солоноватый запах тела, на лбу — жемчужные капли пота. Срочно нужен кондиционер. Или вентиляторы. Вентиляторы, вентиляторы... вентиляторы. Сказано — сделано. Будет сделано. Главное — не забыть.

На плече — татуировка: два символа бесконечности. Тоска по вечной любви... накололась еще в юности.

Он обожает Карину. Странное, высокопарное слово, но лучше не скажешь: «*Я ее обожаю*». Обожаю и обожествляю — разве это не одно и то же?

Улыбнулся и замер. Понял, что показалось ему странным. Тишина. Уже без четверти семь, в это время в кемпинге обычно бурлит жизнь. А сейчас, если не считать ровного дыхания Карины и неразборчивого бурчания Эмиля, — ни звука. Не жужжат

кондиционеры, молчат кофемолки. Полная тишина. Лагерь затаил дыхание.

Стефан поднялся на две ступеньки и отодвинул люк на антресоли.

— Привет, старичок! С добрым утром.

Эмиль не обратил на него ни малейшего внимания. Он внушал плюшевому утенку:

— Почему я? Это не мое дело. Нет, не мое...— он внезапно повернулся к потрепанному одноглазому медведю.— Бенгтссон! Пушками займешься ты.

Стефан улыбнулся, пошел налить воды в контейнер кофеварки и услышал голоса снаружи.

Футболисту с женой тоже не спится. Дочка жметесь к бедру матери, а та, раздраженно отмахиваясь, что-то выговаривает мужу.

Стефан отодвинул занавеску и немного понаблюдал за семейной ссорой. В параллельной реальности эта женщина наверняка бы его возбуждала. На ней ничего нет, кроме трусов и лифчика, фигура — типичная реклама нижнего белья... на такую любой западет, но у Стефана есть принципы. Это вопрос собственного достоинства. И не только.

Он закрыл кран, насыпал в фильтр кофе и нажал на кнопку. Красная лампочка не зажглась. Нажал еще раз, проверил контакт в розетке — никакой реакции.

Обесточка.

Только этого не хватало.

Теперь ясно, почему так тихо.

Он машинально перелил воду в кастрюлю и поставил на плиту. И что? Хлопнул себя по лбу — идиот. Ясно же — обесточка. Плита, само собой, тоже не работает.

Йон Айвиде Линдквист. ХИММЕЛЬСТРАНД

Надо подключать газовый баллон.

Еще раз поглядел на ссорящуюся супружескую пару и поднял глаза.

Голубое, без единого облачка, летнее небо. Можно быть уверенным, что...

У него перехватило дыхание. Оперся руками о край мойки и нагнулся поближе к окну. Что это... сосущее чувство под ложечкой, как при сильном приступе головокружения. Ухватился покрепче. Показалось — если отпустит мойку, упадет. Провалится в пустоту.

* * *

Петер нащупал в кармане конфетную обертку и теперь мял в сжатом кулаке, прислушиваясь к слабому шороху в кармане. Изабелла кричала, а он мысленно выбирал точку на ее щеке, куда опустится его ладонь. И опустила бы, не найди он зудящей ладони занятие.

— Как можно быть таким идиотом! Напиться как свинья и оставить ключи в машине! Любой сукин сын сядет за руль и уволочет нас в эту... эту...

Надо удержаться. Если он ее ударит, баланс нарушится, временное перемирие рухнет, и жизнь окончательно превратится в хаос. Как-то не выдержал и все же вlepил ей пощечину. Удовлетворение получил, но что началось потом! Конечно, физически он сильнее, но ее мастерство в психических истязаниях несравненно выше.

Десять тысяч. Нет, *двадцать* тысяч. Двадцать тысяч он без колебаний отдал бы за пять минут мол-

